

**Батько, папа, папаша, папашка – эти термины являются основными для обозначения отца в кубанской казачьей традиции. К примеру, некоторые жители линейных и закубанских станиц, для противопоставления казачьей традиции иногородней, упоминают употребление в семьях иногородних термина – «батья». Однако наиболее широко в казачьей среде применялся термин «батька».**

Институт семьи для кубанского казачества явление позднее, особенно это касается черноморских казаков, наследников запорожской казачьей традиции. Запорожцы, в большинстве своем, не связывали себя узами брака в Сечи. Тем не менее, своеобразное «искусственное» отцовство присутствовало. Тот кто вступал раньше в Сечь, имел преимущество перед вступившими позже, поэтому последний называл первого «батьком», первый последнего «сынком», даже если «батьку» было 27 лет, а «сынку», например сорок. Термин «батька» использовался и как термин социального характера. Например, батьки – родители /семья, батько - атаман: «Запорожский казаченко! Ну пьесы, гуляе./ Своего же пана кошевого/ Батько называе».

Статус отца /батьки был очень высок в кубанской традиции, что являлось проявлением важных ролей главного и основополагающего члена семьи – в деле воспитания детей, хозяйственно-экономического положения, сохранении и передачи знаний в области системы ценностей, хозяйствования, образовочных комплексов. От отца зависело не только экономическое положение семьи, но и её статусное положение в обществе: «[Хороший отец] пример семьи во всех атташениях. Как в работе, так и в семейной быту. Хороший атэц – эта зеркало семьи». Высокий статус отца был подчеркнут во внутрисемейных отношениях, например, при обращении к мужу - жена называла его по имени и отчеству, все же члены семьи обращались к батьке на «вы», жена была обязана мыть ноги мужу и т.д. Наиболее показателен в плане высокого статуса отца по отношению к матери рассказ Терехова А. П. (1905 года рождения) казака родом из станицы Новоалександровской: «Идёт старик, ну, я его знал. Падходит: «Ну, как аца звать?». Я рассказал всё. «А матерю?». А что знать, как матерю звать? Мама – да и всё. Ну, с ацом я больше вращался как-то. «Ну, я аттудава буду итти, узнаю, как матерю звать!». Я: «Мам, как тебя звать?». И я вот тольки с таво, после встречи деда, узнал, что мать Машка. А то мама, да и всё».

Казачьи большие семьи на Кубани включали в себя уже женатых представителей нескольких поколений по мужской линии. Однако, в отличие от крестьянских больших семей, в которых рождение ребенка это угроза достатку семьи и прибавление работ, в казачьих семьях привлечение нового члена семьи в экономическом плане воспринималось как важное событие, особенно если новорожденный был мальчиком («кармилыц», «казак», «хазян», «памощник»), так как на каждого члена семьи мужского пола выдавался земельный пай: «за сынами гнались боле». Тяжело было в тех семьях, в которых рождались лишь девочки, отсюда и возникло устойчивое выражение – «навозная кучка»: «У нас земли на було. Нас пять у матери дочек, адин был надел батьки. Тада ш на девчат не давали земли»; «А бывают такие, шо если девочка, то, как жуть: «Це не наша, не казацка. Ось як сын – це наш. А че так... цыганська»; «Их було пять сестер, а одын дядко – це було для казака гибель». В большой семье было несколько отцов, однако все подчинялись основателю рода, старшему - хозяину: «Двацать две души. И сыны жили жанатые, пака отец живой был. Атэц помер, тада уже воля ихня, разбеглись усе. А так же и в других семьях». В случае смерти отца, его место занимал старший брат, и тогда большая семья становилась братской, или семья делили наследное имущество. Хозяина в казачьих семьях (по роли и функциям) можно соотнести с крестьянским «большаком», однако отличительной чертой будет являться тот факт, что хозяин не мог быть переизбран (при болезни, физической немоти, неумении вести хозяйство) как «большак». При нерадивости хозяина, его безответственном поведении, пьянстве, в казачьей традиции практиковались иные методы воздействия, например, станичные общества могли временно выслать такого хозяина из станицы для исправления его поведения.

Подчинение «старшему отцу» (а именно так можно назвать гла-

ву большой семьи в контексте рассматриваемой темы), патриархальные семейные устои, следование правилу «делай, как делал батька» – все это отражалось и в обществе: «Обычай же их [жителей станицы Дядьковской], во многих их поступках и упражнениях фундаменте, которого не в силах поколебать ни какие доводы Писания; говорят так: «Наши дяди, батьки и мы робили, нэхай и дети наши так роблять».

отца как главной рабочей силы, изменяется. Взрослые сыновья берут на себя все тяготы по хозяйству, а отцу остается лишь распределять обязанности и осуществлять контроль за выполнением работ: «Еси муже, и у мужа есть атэц, то он щитался казаком. А тада детей падберёт и тада не работает, а этак как стораж – атэц»; «Ну, пока малый – под крылом, а потом уже под гнётом батьки». По фамилии отца – основателя рода и

ностей – кормление скота, выпас, присмотр за лошадьми, работа «погонщиками», начинали овладевать навыками хлеборобства, учиться азам народных знаний. Помимо обучения хозяйствованию, мальчики обучались в школе, где осваивали грамоту и основы военного искусства: «Дедушка-покойник гаварил: «Ани и так вумные девки, а хлопцы – учица». Военная направленность подготовки парней прослеживается на всех уровнях, в

жа. Чаще всего покупки делались родителями сообща на базаре или ярмарке: «Сам сын штобы пакупал – не было эстава. Атэц с матерю видя каму што». Также на отце лежала обязанность снарядить сына-казака: «Отцу казака нужно спрavitъ, ему на службу нужно спрavitъ. Нужно купить лошадь, купить всё снаряжение: карабин, шашка, кинжал, бурку. И эта все с общева двара. Никто не пристовал, ни браты, никто. Эта ани

наказание взрослого сына могло быть связано с его «отделением». Отец мог не дать практически ничего для хозяйства сына, однако для подобного исхода дел требовалось весьма веские обстоятельства, например – оскорблениe родителей. Серьезным проступком сына/дочки считался брак без родительского благословения и отказ жениться/ выходить замуж при венчании, тогда: «...слышаться грозные приговоры со стороны стариков, которые обвиняют родителей, что они не умеют держать детей в повиновении и в ежовых руках: «Хороший родитель спустил бы три кожи, так сразу выбил бы всю дурь у девки или парня».

Вообще «отделение», и определение – сколько и что давать «отделяющемуся» – это прерогатива отца. В большинстве случаев отец старался дать сыну все (дом, скотина, орудия труда, семейный фонд) для самостоятельной жизни. Тем не менее, несмотря на самостоятельность, сыновья обязаны были помогать батьке управляться с оставшимися хозяйством. «Отскочившие от отцов» – то есть отделившиеся малые семьи, нередко оказывались в тяжелом экономическом положении, и тогда на помощь приходили как родители, так и все станичное общество.

Несмотря на жесткий порядок в семье между отцом и женой конфликты не были редкостью. Однако они редко выходили за рамки семьи, и родители старались избежать огласки, например: «Ну, шо там батько з маты – это уже ихнее. Он нам: «На пич и сыдыть нэ высовытайся, нэ выглядай». В больших семьях конфликт разрешался двумя способами – либо конфликт рассматривался на общем собрании семьи, либо глава семьи, изучив причины, наказывал одну из сторон. Конфликты могли доходить и до побоев, но при этом станичное общество крайне негативно относилось к подобным явлениям, например, такого казака не могли выбрать в атаманы: «Если он ругался с женой гаварил: Если он в семье не может жить хорошо, так как же он в станице управлять будет?».

Глава семьи, помимо того, что он принимал важные решения в хозяйственной деятельности, решал и вопросы, связанные с судьбой каждого из членов семьи. В отношении сыновей это и их «отделение», отдача их на обучение ремеслу (кузнецкое, гончарное, столярное дело), отправка в высшие учебные заведения. Для девушки – это в первую очередь благословение на брак. Так же лишь отец мог принять решение об усыновлении, это явление было широко распространено в казачьей среде. Именно поэтому считалось: «Не те мать, отец, кто родил, а те, кто вскорил, вспомил, да добро научил». Приемный член семьи наделялся всеми теми же правами, обязанностями, как и все остальные, а также имел такие же права при разделе наследованного имущества.

Статус семьи в казачьей станичной общине в первую очередь зависел от отца. Наиболее уважаемые казаки, так называемые «казаки-домохозяева», избирались «выборными», т.е. представляли интересы нескольких кварталов на станичном сходе. Высоким статусом обладали казаки ветераны, конвойцы, хорошие стрелки и джигитовщики, кулакчики. Кроме этих групп, выделяются казаки, обладающие такими индивидуальными качествами как песьесники, так называемые балагуры (умеющие «кругло» говорить – то есть уметь заинтересовать беседой, шутить, вести свадьбы). И естественно, что особый статус был у казаков-ремесленников (кузнецов, шорников, сапожников, портных). Нередким случаем для того времени было и то, что один казак одновременно мог быть представителем нескольких статусных групп.

Начиная с 20-х годов XX века начинается разрушение казачьих устоев как общинных так и семейных. Расказывание, раскулачивание, насильственная коллективизация, голод 33-37 –го годов, а затем и Великая Отечественная война – все эти события истории унесли сотни тысяч жизней мужчин – казаков. Бездействие стало бичом того времени. Был уничтожен огромный пласт соционормативной культуры, являющейся важнейшим механизмом традиции. Иными словами кубанское казачество осыпало. Это привело к тому, что роль женщины-матери-казачки в воспитании, хозяйственной деятельности, общественных отношениях многократно возросла, но заменить отца для ребенка она так и не смогла.

**Василий Владимирович ВОРОНИН**



одновременно главы большой семьи нередко назывались края в станицах: Кучериновка (Кучеренко), Бугаевка (Бугай). По имени отца могли обозначать членов семьи: Иванчика – же на Ивана, Матвеички – дети Матвея.

Отец в казачьей семье был не только хозяином, но и учителем. Наиболее показательна в этом плане пословица: «Я батько робы, так и тэб учив». Но, отцовское воспитание касалось лишь мальчиков, и имело определенные возрастные рамки. В раннем возрасте ребенка, казак-отец не только не вмешивался в воспитание ребенка, но и помогал жене по уходу за ребенком, что закреплялось в некоторых формах поведения: «Бывало не взымет на руку, пазор. Ка-ка теперича, ана идёт, а он несёт. Эта бы пазор шо несет»; «Атцам всю дарогу некада. Атцы то туда, то сюда... На руки када взымаут. У меня дед не брал – стеснялся. Идем же, ему было совестно ити с дочерью: «На неси». И даже не хотел итти рядом – шо я несу дочь на руках»; «Оты и не видели детей [маленьких]»; «Папы у нас казаки. Папы не занимались детьми». Но при этом, для отца основной задачей было вырастить сына-казака-хозяина. Так, уже младенцу отец мог подарить же ребенка: «Як родився сразу же ребенка оставляют харошева и выкармливают, выхаживают ево. Вин ево приручае, с ним работает и ида на дийствительную с этой, са сваим кайм». Примерно с 7-8 лет начиналось обучение: «Када падрастет, тада уже атэц начинайти приучать и то, и то, и то, и то, и то заставлять». До этого времени, ребенок лишь подражал главе семьи.

Отец мог следить и за свободным временем детей: «Атэц их, шопани [дети] ниде не браяджничали, берёт лашадь, запрягият, едит на Псекупс. Там рыбку ловять. А уже спать хотят – фуражу накосил, на бричку их паложил, укрыл. А сам сидит с удачкой. Только шоб не хадили нигде, не брадили». Если отец самшел на рыбалку или охоту то детей мог и не брать: «Не тягались раныше дети за следом» – однако в среде пластунов, чья служба требовала особой смелости, выдержки и смекалки нередко с десятилетним возрастом мальчики могли сопровождать своих отцов в их походах по плавням и лесам в роли михонша.

По мере того, как ребенок взрослеет, обучение принимало более сложный хозяйственный характер. Мальчики, под присмотром отца, помимо своих уже вмененных обязан-

том числе и семено-бытовом: «Учи казачьего сына на коня садится да с татарами биться». Естественно, что все навыки отца, его нравственные качества, привычки и многое другое во многом переходило сыновьям: «Еси атэц хароши, то и сын будя хароши», «Як дерево, такой и тын, який батько, такой и сын». Показательен и тот факт, что во многих семьях именно отец водил детей в церковь, обучал молитвам: «А до цэркви кажду нэдюлю. Пять душ нас, батько за руки забэр и, далэко до цэркви, вэдэ до цэркви»; «Бывало зазвонят на утрено. «Дети вставайте, уже утрено звонят, пайдемте да утрено»». От эта устаем все без разговора, устаем, убирают нас, наряжают и духами пабрывают папа и пашли мы в церкви».

Высокий статус отца /батьки в семье являлся основополагающим и в этикете. За столом отец занимал главенствующее место – в Святом углу под иконами: «Ели с одной чашки, деревянными ложками и что не стукали. Во главе стола сидел отец, шоб тихо, никада ни смеши. Покушали тагда идите все, перекрестились, молитву прочитали. Рядом с отцом сидели сыновья, а снохи прислуживали». Отец резал хлеб, заранее перекрестив его, читал молитву за столом, первым начинал есть и первым выходил из-за стола. Наказание детей за неправильное поведение детей за столом (смех, разговоры и др.) – удар ложкой по лбу – также обязанность и право отца. За капризы ребенок мог быть вообще изгнан из-за стола: «Знай время исти».

При отце запрещено было курить: «Женатый может, отслужил – может закурить. В армию идз, пэрзу сигарету батька даст прыкурыть, а до армии ни». В свою очередь отец, для поддержания авторитета в семье, строго повиновался строгим поведенческим нормам. Например, это касается мата/«черняка»: «Я ныколы нэ бачив шоб батько заматюкався, при внуках, пры дитях своих. Та ты шо! Стыдока какая».

Беспрекословное подчинение отцу-хозяину всех членов казачьей семьи являлось важнейшей характеристизующей чертой, что отразилось в фольклоре: «Як батько сказал, так и будз»; «Отец сказал – закон». Именно последнее, главное слово в разрешении важнейших проблем семьи оставалось за отцом.

Все заработанные семьей деньги, обычно, отдавались и хранились у отца. Жена не могла их тратить на что-либо без разрешения му-

жа. Чаще всего покупки делались родителями сообща на базаре или ярмарке: «Сам сын штобы пакупал – не было эстава. Атэц с матерю видя каму што». Также на отце лежала обязанность снарядить сына-казака: «Отцу казака нужно спрavitъ, ему на службу нужно спрavitъ. Нужно купить лошадь, купить всё снаряжение: карабин, шашка, кинжал, бурку. И эта все с общева двара. Никто не пристовал, ни браты, никто. Эта ани